

А. В. СМОКОТИНА

ВИЗАНТИЙСКАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА VII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ IX вв. ИЗ РАСКОПОК МАНГУПА

Раннесредневековая история Мангупского городища, на котором большинство современных исследователей локализует упоминаемую византийскими письменными источниками крепость Дорос (Дарас) [1, с. 135-136; 2, с. 59; 3, с. 66-69], политико-административный и культурный центр Крымской Готии, пользуется традиционным вниманием в историографии. Анализ крайне немногочисленных письменных свидетельств в совокупности с результатами многолетних археологических исследований, проведенных непосредственно на плато городища и его ближайшей периферии, позволил сформулировать в ряде недавних работ общую периодизацию памятника [1, с. 132-138; 4, с. 86-87; 5, с. 118-119; 6, с. 746]. Ее корректировка возможна не только в связи с естественным пополнением источниковой базы в результате дальнейших систематических археологических работ на городище, но и в ходе обсуждения на страницах научной печати. Одним из наиболее важных условий эффективности подобной дискуссии является введение в научный оборот полученного археологического материала¹.

Настоящая работа посвящена публикации коллекции фрагментов ранней византийской поливной посуды VII – первой половины IX вв., полученной в ходе изучения цитадели Мангупа с конца 70-х гг. XX вв. до настоящего времени². Присутствие этой группы византийского импорта на городище представляется достаточно важным для характеристики торгово-экономических связей Дороса в чрезвычайно сложный период его политической истории, который нередко в специальной литературе обозначается термином “темные века” [9, с. 26-36; 10, с. 5]. Тезис о сохранении традиционных контактов с Византией, при посредничестве Херсона – одного из ключевых пунктов в зоне “византийско-хазарского пограничья” в горной Таврике [2, с. 58-64; 7, с. 128-130], получает, безусловно, дополнительные материальные свидетельства.

Знакомство с опубликованными археологическими материалами, происходящими из раскопок ранневизантийских городских центров, показывает наличие значительных пробелов в существующих представлениях об общей хронологии, морфологических и технологических особенностях, географии распространения находок указанной группы поливной керамики. Впервые выделенная в отдельную группу Дж.Хейсом как “Glazed White Ware I” (GWW I) [11, p. 13-15], на сегодняшний день она известна по публикациям

¹ В последнее время уже опубликован ряд раннесредневековых археологических комплексов Мангупа [7, с. 127-146; 8, с. 324-340].

² Выражаю благодарность А.Г.Герцену за возможность опубликовать полученный материал.

археологических комплексов императорского дворца и жилого квартала Сарачаны в Константинополе [11, р. 15-18; 12, р. 34-38], материалов раскопок Коринфа [13, р. 52-53], Эгины [11, р. 15, 18, 425], а также Саламин [14, р. 379, fig. 19], Сол [14, р. 379, fig. 22, 1] и Пафоса [15, р. 340] на Кипре. На территории Северного Причерноморья встречается в культурных горизонтах Керчи [16, с. 169-170, рис. 2,6], Таматархи, Фанагории [17, р. 439], Мангупского городища [7, с. 143-144] и Херсона [18, с. 170, 176, рис. 9,6,14,15; 19, с. 646-650; 20, с. 9-10,15] (рис. 1). Существует предположение о производстве керамики группы GWW I в Константинополе, где она найдена в большом количестве [11, р. 12, 17]. Большие географические пробелы при картографировании поливной керамики группы GWW I могут объясняться, с одной стороны, небольшими масштабами ее производства и распространения на территории Византии, в сравнении с более поздними группами поливной посуды [11, р. 15], а, с другой стороны, возможно, отражают невысокий уровень современных знаний о данной группе керамики. В пользу последнего предположения свидетельствует достаточно быстрое, после публикации Дж.Хейсом материалов квартала Сарачаны, выявление отечественными исследователями GWW I в керамических комплексах Херсона, Керчи, Мангупа, Таматархи и Фанагории, а также результаты настоящей работы, особенно на этапе подбора аналогий. Прежде чем обратиться к мангупской коллекции GWW I, остановимся на общих проблемах хронологии, морфологических и технологических критериях выделения этой группы керамики.

Появление изделий группы "Glazed White Ware I" Дж.Хейс отнес к самому началу VII в. (ок. 600 г.) [11, р. 13]. Такие сосуды находились на борту корабля, потерпевшего крушение в Эгейском море у острова Ясси-Ада во второй половине правления императора Ираклия (610-641 гг.) [21, р. 165-166, figs. 8-9 and 8-11, P2-4; 11, р. 13]. При раскопках жилого квартала Сарачаны в Константинополе ранняя византийская поливная белоглиняная керамика встречена в комплексе VIII в. (deposit 32) [11, р. 107]. Совместно с краснолаковой посудой она обнаружена в комплексах начала или середины VII в. (deposit 28-29), 655-670 гг. (deposit 30), середины VII в. (deposit 31), середины – конца VIII в. (deposit 33-34), конца VIII – начала IX вв. (deposit 35) [11, р. 100-101, 105, 107, 108, 111]. Наряду с группой "Glazed White Ware II" (GWW II), присутствует в комплексах начала IX в. (deposit 36) с несколькими монетами Льва IV (775-780 гг.) и одной Михаила II (820-829 гг.) и 925-950 гг. (deposit 37) с тремя монетами Льва VI (886-912 гг.) [11, р. 113, 114]. Более поздние комплексы начала XII в. (deposit 49-50), ок. 1200 г. или немного позднее (deposit 55), после 1204 г. (deposit 56) и начала XIII в. (deposit 60) содержат разновременный материал и группа GWW I в них встречается в переотложенном состоянии [11, р. 130, 133, 143, 145, 149]. В слоях Большого императорского дворца в Константинополе VII – первой половины VIII вв. (Stage I) она сопровождается монетами императоров Фоки (602-610 гг.) и Константина IV (668-685 гг.), второй половины VIII – первой половины IX вв. (Stage II) – монетами императоров Юстиниана II (685-695, 705-711 гг.) (?), Константина V и Льва IV (выпуск 771-775 гг.), Льва V (813-820 гг.) [12, р. 35, 38]. Керамика группы GWW I обнаружена также в "хазарском слое" VIII – третьей четверти IX вв. при раскопках в Кооперативном переулке г. Керчи [16, с. 169-170, рис. 2,6], в комплексах Таматархи, Фанагории [17, р. 439] и Херсона [18, с. 170, 176, рис. 9,6,14,15; 19, с. 646-650; 20, с. 9-10,15] первой половины IX в. Несколько фрагментов этой группы столовой посуды присутствуют в качестве "примеси снизу" в слое, связанном с функционированием и разрушением в пожаре жилой постройки X – первой половины XI вв. на цитадели Мангупского городища [7, с. 143-145, рис. 5,9-10].

Датировка аналогичных изделий Т.Райсом второй половиной IX – концом XI вв. [23, р. 23-24], а Ч.Морганом – X в. [13, р. 52-53] на сегодняшний день устарела. Анализ вышеперечисленных комплексов подтверждает в целом мнение Дж.Хейса о наибольшем

распространении керамики GWW I в VIII в. и широком ее использовании до первой половины IX в. включительно [11, р. 17]. В то же время, эти выводы основаны, главным образом, на материалах из раскопок Константинополя. В Крыму единственный репрезентативный комплекс с группой GWW I происходит из Херсона и относится к первой половине IX в. [19, с. 646-650]. Известные сложности, связанные с выделением культурных горизонтов VIII в. при исследовании византийских городищ и поселений, не позволяют уверенно говорить ни о времени появления, ни о динамике распространения и использования такой посуды на полуострове.

Основаниями для выделения керамики GWW I в отдельную группу послужили морфологические особенности сосудов, светлоглиняный, различных оттенков, но фактически никогда не белый, черепок, и тонкий слой ангоба по всей поверхности, цвет которого слегка темнее цвета подосновы. Одним из главных признаков такой посуды является врезной декор в виде завитков и петель, иногда дополняемый надписями, в основном религиозного характера, крестообразными узорами или рыбами на внутренней поверхности открытых сосудов и с внешней стороны горшков [11, р. 15-18, fig. 5,3-6, pl. b,c,e,2f,h,i]. Она соответствует находкам поливной белоглиняной керамики в Stages I и II Большого императорского дворца в Константинополе по Р.Стивенсону, объединенным в Класс A0 [12, р. 34-38, pl. 15; 21,1-16; 27,6-7], большей части группы A4 "White Inscribed Ware" по Т.Райсу [23, р. 23-24], группе "Inscribed ware" по Моргану [13, р. 52-53], типам I-III по Л. В.Седиковой [19, с. 646-649].

Немногочисленность, плохая изученность и большая фрагментарность сосудов ранней группы византийской поливной белоглиняной посуды в Северном Причерноморье, способствовали тому, что длительное время отечественные исследователи или не рассматривали ее вообще, или включали, наряду с группой GWW II, в различные типы и виды, выделенные на основании способов орнаментации. Врезной декор, являясь одним из отличительных признаков керамики GWW I, имеет место далеко не на всех сосудах этой группы³, а при значительной фрагментарности дошедших до нашего времени изделий судить о его наличии или отсутствии не всегда возможно. Врезная орнаментация характерна и для группы GWW II, хотя встречается здесь значительно реже и отличается от распространенной ранее как стилистически, так и своим месторасположением на изделии. Главным образом она представляет собой штрихи, волнистые линии и подобные им узоры на широком венчике некоторых тарелок и внешней поверхности чашек [11, р. 21]⁴. На данном основании, выделение отечественными исследователями посуды с врезным орнаментом по прочерченным на венчике волнистым линиям в отдельные группы и виды не может быть признано достаточно убедительным [24, с. 9, Группа I, Тип 1, Вид 3, табл. 1,8,10,20-22; 22, с. 129-130, Группа II, рис. 1,5,2,1-7; 25, с. 64, Группа I, рис. 1,1-4], так же как датировка И.А.Барановым IX-X вв. обнаруженной на Тепсе целой поливной тарелки с рельефным краем и врезным изображением рыбы на дне⁵ и ее дальнейшее соотнесение А.В.Сазановым с типом 2 группы GWW II [26, с. 23, рис. 7,3; 27, с. 61, Признак 41].

Для посуды GWW I, как отмечал Дж.Хейс, характерен светло- или бледно-коричневый или оранжевый, иногда красноватый, но никогда не белый черепок [11, р. 15]. Тем не менее, некоторые сосуды, отнесенные исследователем к этой группе, сформованы из

³ Дж.Хейс говорит о, по крайней мере, половине орнаментированных таким образом сосудов из Сарачан [11, р. 17].

⁴ В этой связи обращают на себя внимание два фрагмента из Сарачан с врезным орнаментом, расположенным, нестандартно для второй группы, на внутренней поверхности сосудов [11, р. 118, 136, Dep. 40, fig. 64,15; Dep. 50, fig. 79,88].

⁵ Форма венчика и способ орнаментации характерны для Типа 2 группы GWW I [11, р. 17].

белой глины [11, p. 107, 108, Dep. 32, fig. 52,6; Dep. 34 etc.]. Белоглиняной является и определенная часть керамики GWW I, обнаруженная в засыпи главного городского водохранилища Херсона [19, с. 646, 648-649]. В то же время, белый цвет черепка группы GWW II в течение XI в. менялся к красновато-розовому [11, p. 19], что не позволяет использовать этот критерий для разграничения групп GWW I и GWW II. Анализ мангупской керамики показывает, что приблизительно 33% фрагментов сосудов GWW I сформованы из белой глины, а около 25% керамики GWW II имеет бело-розовый, розовый, красновато-белый, или различных оттенков бежевый черепок.

Покрытие сосудов ангобом характерно исключительно для первой группы "Glazed White Ware" и является одним из наиболее выразительных ее признаков [11, p. 15]. В то же время, при непосредственной работе с материалом грань между ангобом слегка темнее цвета черепка и затертостью поверхности сосуда в результате длительного пребывания в земле, не всегда ярко выражена, а отсутствие ангоба на некоторых изделиях из раскопок мангупской цитадели и водохранилища в Херсоне⁶ не позволяет рассматривать его в качестве неперемного атрибута керамики группы GWW I. При описании комплексов из Сарачан в большинстве случаев Дж.Хейс оговаривал наличие подглазурного покрытия различных оттенков для сосудов GWW I. Остается не вполне ясным, является ли отсутствие такого рода указаний для некоторых изделий свидетельством отсутствия ангоба на определенной части керамики первой группы [11, p. 100, 107, 109, Dep. 28, fig. 37,1,3; Dep. 32, fig. 52,4-7; Dep. 33, fig. 52,1; Dep. 34, fig. 54,30 etc.].

К сожалению, структуре глиняного теста сосудов в существующих классификациях места практически не уделяется. Мангупская керамика групп GWW I-II достаточно однородна. Для нее характерны включения песка и карасана, реже железистых частиц. Глина большей части обработанных сосудов хорошо отмученная и плотная. Основным же отличием керамики первой группы стало присутствие на около 33% изученных фрагментов примеси слюды⁷. Анализ мангупской керамики не выявил и четкого различия цветовых гамм поливного покрытия сосудов между группами GWW I и GWW II. Можно отметить лишь тот факт, что керамика GWW II покрывалась преимущественно желтой и зеленой поливой, а на посуде ранней группы доминируют коричневые и оранжевые оттенки, что, вероятно, в значительной степени связано с присутствием на ней близкого по цвету ангоба.

Морфологические особенности сосудов служат наиболее надежным классификационным признаком. В то же время, среди сосудов GWW I, форма которых представлена серией находок, а не единичными экземплярами, и не имеет аналогий среди керамики GWW II, можно выделить лишь тарелки типа 2 (по Дж.Хейсу) с венчиком, профилированным тремя и четырьмя валиками [11, p. 108, 111, Dep. 34, fig. 53,7-8; Dep. 35, fig. 56,4; 12, p. 38, Stage II, pl. 15,16,17,20,22], миски с вертикальным венчиком и закраиной на внешней стороне [21, p. 165, figs. 8-9 and 8-11,P1; 11, p. 100-101, 133, Dep. 30, fig. 38,8; Dep. 50, fig. 77,45; 12, Stage II, pl. 15,31,45; 19, с. 646, 648, тип 1, рис. 1,1-7] и горшки с выступающим в виде закраины внутренним краем, предназначенным, очевидно, под крышку [21, p. 165-166, figs. 8-9 and 8-11,P2,3; 11, p. 100-101, 105, 108, 133, Dep. 28, fig. 37,3; Dep. 29, fig. 37a; Dep. 30, fig. 38,1-3; Dep. 31, fig. 50,1; Dep. 34, fig. 53,19,24; Dep. 50, fig. 77,47-49; 12, p. 35, Stage I, Pl. 15,5-6; 19, с. 649, тип 3, рис. 1,16,19]. Остальные

⁶ Выражаю благодарность Л.В.Седиковой за возможность ознакомиться с находками поливной керамики группы GWW I из засыпи городского водохранилища в Херсоне.

⁷ Слюда в составе глиняного теста сосудов встречается и на некоторой части керамики GWW I из засыпи водохранилища в Херсоне.

распространенные формы первой группы "Glazed White Ware" с небольшими модификациями или же без изменений продолжали бытовать и в группе GWW II⁸, что создает определенные трудности при использовании основных классификаций ответственных исследователей без непосредственного знакомства с уже опубликованным материалом. Об этом свидетельствует и попытка пересмотреть датировки поливной белоглиняной керамики из цитадели Баклинского городища, предпринятая А.В.Сазановым на основе классификации Дж.Хейса [28, с. 48-53]. Некоторые формы сосудов, рассмотренные исследователем, характерны как для группы GWW I, так и для керамики GWW II. В связи с этим, их эволюционная линия может быть прослежена с VII–VIII вв. вплоть до конца XI – начала XII вв., а соотнесение с какой-либо конкретной группой затруднено [28, с. 49, 51-52, № 16,9; 25, рис. 1,16,18].

Таким образом, ни один из рассмотренных признаков не может служить абсолютным критерием для разграничения керамики групп GWW I–II. Принадлежность фрагментов поливных белоглиняных сосудов к той или иной группе определяется исключительно на основании корреляции всех вышеперечисленных признаков и комплексного анализа каждого фрагмента в отдельности.

В предлагаемой работе рассмотрена небольшая группа находок полученная в результате многолетних раскопок цитадели на Мангупском плато и выявленная в стратиграфическом шурфе на южном склоне м. Тешкли-бурун в 1998 г. Цитадель – наиболее изученная часть городища. Ее исследования позволяют наблюдать основные этапы жизни поселения, хотя, к сожалению, они не всегда надлежащим образом представлены стратиграфически. Комплексы VII – первой половины IX вв., то есть времени производства и использования керамики группы GWW I, до настоящего времени на цитадели Мангупа не обнаружены. Нивелировка поверхности плато при перестройках и перепланировках существующей застройки приводила к сбрасыванию на склоны мыса накопившихся ранее культурных напластований. Наилучшей сохранностью отличаются слои XIV–XVI вв., относимые к последнему периоду жизни на данном участке городища. Находки более раннего времени немногочисленны и присутствуют в переотложенном состоянии в хронологически более поздних культурных горизонтах [29, с. 68; 7, с. 132]. Фрагменты сосудов группы GWW I встречаются в дерновом слое, образовавшемся после прекращения жизни на мысе Тешкли-бурун (рис. 2, 1, 7), в "слое разрушения построек" конца XV в. (рис. 2, 6, 9, 10), а также в "слое функционирования жилой застройки", формирование которого происходило, очевидно, с 60-х гг. XIV в. (времени строительства цитадели) до захвата Мангупа после турецкой осады 1475 г. (рис. 2, 2, 5) [29, с. 72]. Совместно с высокогорлыми кувшинами с плоскими ручками, грушевидными амфорами так называемого "воротничкового" типа и посудой группы GWW II, керамика GWW I присутствует в единственном на сегодняшний день закрытом комплексе X – первой половины XI вв., выявленном на краю обрыва у тыльной стороны северо-западной куртины (рис. 1, 8) [7, с. 143-145].

Для решения проблем связанных с периодизацией жизни поселения на м. Тешкли-бурун, на его южном пологом склоне в 1998 г. был заложен стратиграфический раскоп-шурф⁹, верхние слои которого содержали разновременный материал VI–XVI вв. (рис. 2, 11). Чрезвычайно важным представляется предварительные заключения о

⁸ Некоторые примеры морфологической преемственности сосудов GWW I–II будут рассмотрены далее.

⁹ Готовится публикация результатов работ 1998 г. Все представленные в настоящей работе археологические материалы хранятся в археологическом музее Таврического Национального университета им. В.И.Вернадского.

Рис. 1. Распространение византийской поливной керамики группы GWW I.

стратифицированности нижних горизонтов раскопа, что указывает на их образование, вероятно, в результате единовременного сброса грунта при нивелировке поверхности на краю мыса. Для целей нашей работы наибольший интерес вызывает слой IX–XI вв., в керамическом комплексе которого, помимо высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, амфор “причерноморского” типа и керамики GWW II, были обнаружены два фрагмента сосуда группы GWW I (рис. 2,3,4).

Раскопки цитадели Мангупского городища и шурфа на южном склоне мыса Тешклибурун выявили в общей сложности одиннадцать фрагментов десяти сосудов группы GWW I.

I. (рис. 2,1). Белоглиняная миска с отогнутым валикообразным венчиком, ограниченным с внешней стороны врезной концентрической линией, диаметром 28 см [7, с. 144, рис. 5,8]. Сформована из теста с примесью песка, карасана и железистых частиц. Снаружи по красно-коричневому ангобу нанесена оранжево-коричневая глазурь. Близкой аналогией ей является венчик из Stage I Большого императорского дворца в Константинополе [12, р. 35, pl. 15,3]. Подобные миски с более широкой западиной на внешней поверхности распространены лучше и, очевидно, представляют с рассматриваемыми сосудами единое типологическое подразделение [11, р. 107, Dep. 32, fig. 52,4; р. 108, Dep. 34, fig. 53,11; р. 111, Dep. 35, fig. 56,8,40; 12, Stage II, pl. 15,30], получившее дальнейшее развитие как тип 12 группы GWW II [11, р. 25; 12, Stage Va, pl. 17; 21; 30, рис. 1,17; 31, рис. 8а, второй сосуд в левом ряду]. Интересно отметить наличие среди керамики второй группы “Glazed White Ware” формы венчика аналогичной мангупскому экземпляру [11, р. 133, Dep. 50, fig. 79,86]. Особого внимания заслуживает присутствие в константинопольском комплексе начала XII в., содержащем значительное количество примеси материала более раннего времени, венчика миски, который Дж. Хейс неопределенно отнес или к группе GWW I, или к типу 12 группы GWW II [11, р. 133, Dep. 50, fig. 78,74]. Морфологическое сходство сосудов, при отсутствии детального описания цвета глины, поливы, ангоба и состава примесей, не позволяет соотнести с какой-либо конкретной группой и некоторые опубликованные отечественными исследователями миски рассматриваемой формы [32, рис. 1,1; 25, рис. 1,18; 28, с. 51-52].

II. (рис. 2,5-8). Плоские донья диаметром 4-5 см, с белым и бело-розовым черепком с примесью песка, карасана, и, в одном случае, железистых частиц (рис. 2,7). На двух фрагментах сохранился тонкий слой светло-желтого ангоба (рис. 2,7,8) [7, с. 143, рис. 5,10]. Внутреннюю поверхность покрывает желтая полива. К сожалению, верхние части подобных сосудов на Мангупе пока не обнаружены. Тем не менее, с большой степенью вероятности, можно предположить их принадлежность мискам, имеющим на внешней стороне венчика горизонтальную закраину. Они встречаются в комплексе из затонувшего

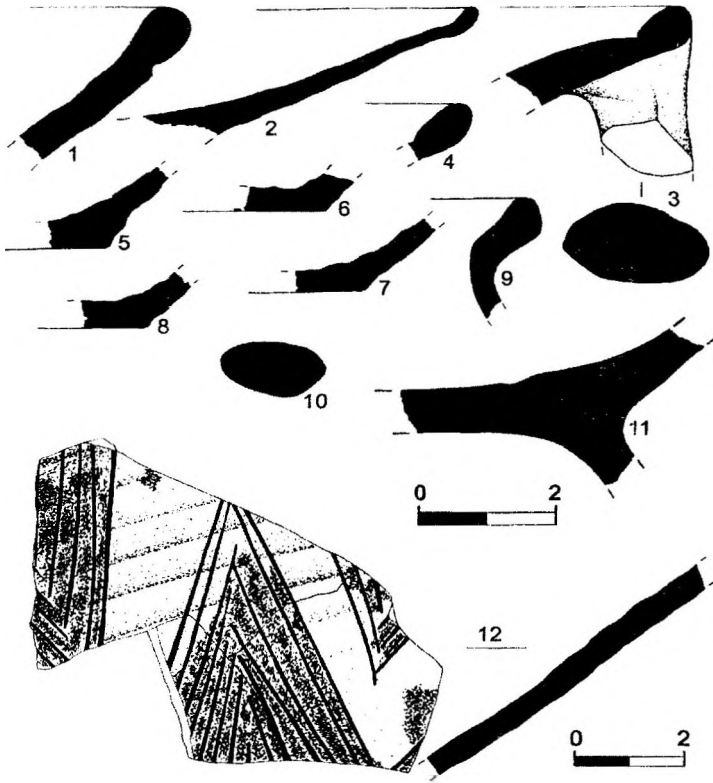

Рис. 2. Византийская поливная белоглиняная керамика. 1,2,5-10,12 - цитадель Мангупа; 3,4,11 - шурф на южном склоне мыса Тешкли-бурун.

корабля у острова Ясси-Ада в Эгейском море, датируемом 20-ми гг VII в. [21, p. 165, figs. 8-9 and 8-11, P1], в константинопольских комплексах 655-670-х гг. [11, p. 100-101, Dep. 30, fig. 38,8] и начала XII в. ("примесь снизу") [11, p. 133, Dep. 50, fig. 77,45]. Такие миски присутствуют в Stage II в императорском дворце в Константинополе [12, p. 38, Stage II, pl. 15,31,45], а также в комплексе из засыпи городского водохранилища в Херсоне первой половины IX в. [19, тип III, с. 646, 648, рис. 1,1-7].

III. (рис. 2,2). Тарелка с отогнутым валикообразным краем, диаметром 17 см. Глина белорозовая с включениями песка и карасана. Ангоб отсутствует. На внутренней поверхности фрагментарно сохранилось поливное покрытие грязно-желтого цвета. Соответствует, очевидно, типу 1 группы GWW I по класси-

фикации Дж.Хейса [11, p. 17]. Сосуды этого типа встречены при раскопках жилого квартала Сарачаны в Константинополе в комплексах 650-670-х гг. [11, p. 100-101, Dep. 30, fig. 38,17], середины и конца VII в. [11, p. 105, 107, Dep. 31, fig. 50,3-4; Dep. 32, fig. 52,1-2], середины - конца VIII в. [11, p. 108, Dep. 34, fig. 53,1-4,6], конца VIII - начала IX вв. [11, p. 111, Dep. 35, fig. 56,1-3] и в переотложенном состоянии в комплексе начала XII в. [11, p. 133, Dep. 50, fig. 77,33-34]. Они обнаружены в Stages I и II при раскопках императорского дворца в Константинополе [12, p. 35, 38, pl. 15,1,2,8-13,18] и в слое VIII - третьей четверти IX вв. в Керчи [16, с. 169-170, рис. 2,6].

Наиболее близкие аналогии мангупскому фрагменту тарелки имеются в константинопольском комплексе середины - конца VIII в. [11, p. 108, Dep. 34, fig. 53,1], а также среди материалов из раскопок городского водохранилища в Херсоне первой половины IX в. [19, с. 648, тип II, рис. 1,12,14]. В дальнейшем подобная форма сосудов встречается в типе 3 группы GWW II [11, p. 22-23].

IV. (рис. 2,3,4). "Блюдо для подогрева"¹⁰ с валикообразным отогнутым венчиком, диаметром 24 см, и прикрепленной к нему овальной в сечении ручкой. Представлено

двумя фрагментами от одного сосуда. Глина розовая с примесью песка, карасана и редкими включениями слюды. Оранжевая глазурь покрывает внутреннюю поверхность по бежевому ангобу. Аналогичные изделия обнаружены в константинопольских комплексах середины – конца VIII в. [11, p. 107-108, Dep. 33, fig. 52,2; Dep. 34, fig. 53,12; 54,29] и, как примесь материала более раннего времени, в комплексе начала XII в. [11, p. 133, Dep. 50, fig. 77,42]. Форма венчика обычна для тарелок типа 1 группы GWW I [11, p. 107, 109] и, очевидно, предшествует морфологически близкой у типа 8 группы GWW II [11, p. 23].

V. (рис. 2,9). Горшок с утолщенным отогнутым венчиком и ребром на внутренней стороне, диаметром 19 см. Глина бежевая с примесью песка, карасана и слюды. На внутреннюю поверхность по красно-коричневому ангобу нанесена желто-зеленая глазурь. Абсолютно аналогичные по форме сосуды нам неизвестны. Вероятно, они предназначались для использования с крышкой, как и некоторые горшки с закраиной на внутренней стороне венчика, известные из раскопок Константинополя [11, p. 100-101, 105, 108, 133, Dep. 28, fig. 37,3; Dep. 29, fig. 37a; Dep. 30, fig. 38,1-3; Dep. 31, fig. 50,1; Dep. 34, fig. 53,19,24; Dep. 50, fig. 77,47-49; 12, p. 35, Stage I, pl. 15,5-6], Херсона [19, тип III, с. 649, рис. 1,16,19] и затонувшего корабля у острова Ясси-Ада в Эгейском море [21, p. 165-166, figs. 8-9 and 8-11, P2,3].

VI. (рис. 2,11). Фрагмент кольцевого поддона со светло-красным черепком, с включениями песка, карасана и слюды. Внутренняя поверхность покрыта оранжево-коричневой глазурью нанесенной поверх коричневого ангоба.

VII. (рис. 2,10). Фрагмент ручки сосуда (горшка?). Глина бежевая с примесью песка и карасана. Местами покрыт оранжевой поливой по коричневатому ангобу.

Установить типологическую принадлежность двух последних фрагментов пока не представляется возможным.

Из нивелировочной засыпи лакуны на участке близ октагонального храма в центральной части цитадели Мангупского городища происходит фрагмент стенки белоглиняного сосуда (тарелки?) с врезным геометрическим орнаментом на внутренней поверхности, сопровождающимся коричневой подглазурной подкраской (рис. 2, 12). Тесто с примесью песка и карасана. Желтая полива покрывает как внутреннюю, так и внешнюю поверхность. Следует отметить, что аналогии такому орнаменту в группе GWW I нам неизвестны, а отсутствие ангоба и использование коричневой подглазурной подкраски – характерный признак керамики группы GWW II [11, p. 19]. Наиболее вероятным представляется соотнесение рассматриваемого фрагмента с нестандартными для второй группы GWW изделиями с врезным орнаментом на внутренней поверхности [11, p. 118, 136, Dep. 40, fig. 64, 15; Dep. 50, fig. 79,88].

Данный сосуд не может быть уверенно классифицирован, что еще раз свидетельствует об отсутствии четких критериев для выделения керамики GWW I и о необходимости их дальнейшей разработки и уточнения.

Достаточно широкий ареал такой посуды позволяет надеяться на публикацию новых материалов. Очевидно география находок группы GWW I, показанная на рис. 1, отражает главным образом лишь степень ее изученности, опубликованности и сохранности комплексов с такими сосудами.

¹⁰ Сосуды рассматриваемой формы в специальной литературе именуются “курильницами” [33, с. 21-22; 33, с. 84], “жаровнями-кастрюлями” [35, с. 130-131] или “нагревательными блюдами” [22, с. 136]. В данном случае мы используем дословный перевод предложенного Дж.Хейсом термина “chafing-dish” [11, p. 17], который, по нашему мнению, в большей степени отражает функциональное назначение изделий.

Выявление на Мангупе византийского керамического импорта VII – первой половины IX вв. указывает на существование торгово-экономических связей поселения с Херсоном и городскими центрами Византийской империи. Малочисленность находок группы GWW I, проблематичность выделения археологических комплексов VIII в., с учетом сложности политической обстановки в Таврике, не позволяет судить однозначно – характерны ли такие контакты для всего рассматриваемого периода или осуществялись на каком-то более коротком временном отрезке.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
2. Герцен А.Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.
3. Пиоро И.С. Крымская Готия. Киев, 1990.
4. Герцен А.Г. К проблеме типологии средневековых городищ Юго-Западной Таврики // АДСВ. Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995.
5. Герцен А.Г. Крепость Дорос: византийско-хазарское пограничье в Таврике // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Труды межд. конф. СПб., 1998.
6. Герцен А.Г. Археологические исследования караимских памятников в Крыму // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
7. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Керамика IX–XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-бурун // АДСВ. 2001. Вып. 32.
8. Науменко В.Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып I.
9. Каждан А.П. История византийской литературы (650-850 гг.). СПб., 2002.
10. Культура Византии. Вторая половина VII – XII в. М., 1989.
11. Hayes J.W. The Pottery // Excavations at Sarāçhane in Istanbul. Princeton. 1992. Vol 2.
12. Stevenson R.B. K. The Pottery // The Great Palace of the Byzantine Emperors. Oxford, 1947.
13. Morgan Ch. The byzantine Pottery // Corinth. 1942. Vol. XI.
14. Hayes J.W. Problemes de la ceramique des VII–IX siecles a Salamine et a Chypre // Salamine de Chypre. Histoire et archeologie. 1980.
15. Megaw A.H.S. Supplementary excavations on a castle site at Paphos, Cyprus, 1970-1971 // DOP. Washington, 1972. № 26.
16. Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
17. Sazanov A., Achkasova A. La presqu'île de Taman (Le Sub de Russie) a L'époque Moyen – âge // XIII International Congress of prehistoric and Protohistoric sciences. Forli-Italia, 8-14 September. 1996. Vol. I.
18. Седикова Л.В. Керамический комплекс первой половины IX века из раскопок водохранилища в Херсонесе // РА. 1995. № 2.
19. Седикова Л.В. К вопросу о времени появления византийской поливной посуды в Херсонесе // МАИЭТ. 1997. Вып. VI.
20. Седикова Л.В. Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в. / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.
21. Bass G., van Doorninck F. The Pottery // Jassi Ada. A Seventh-Century Byzantine Shipwreck. Texas, 1982. Vol. I.
22. Талис Д.Л. К характеристике византийской поливной керамики IX – X вв. из Херсонеса // Труды ГИМ. Археологический сборник. 1960. Вып. 37.

23. Talbot Rice D. Byzantine glazed Pottery. Oxford, 1930.
24. Макарова Т.И. Поливная посуда (из истории керамического импорта и производства Древней Руси) // САИ. 1967. Вып. Е1-38.
25. Талис Д.Л. Поливная керамика Баклинского городища // СА. 1976. № 4.
26. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.
27. Сазанов А.В. Хронология слоев средневековой Керчи // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 1998. Вып. V.
28. Сазанов А.В. К хронологии цитадели Баклинского городища IX – XI вв. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.
29. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангула // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь, 1998.
30. Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. Находки поливной посуды как датировочный термин в изучении построек византийского Херсона (по материалам раскопок XCVI городского квартала) // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь, 1998.
31. Паршина Е.А. Торжище в Партенитах // Византийская Таврика. Киев, 1991.
32. Финогенова С.И. Поливная керамика из раскопок Таманского городища // СА. 1987. № 2.
33. Баранов И.А., Майко В.В. Поливная керамика Сугдеи второй половины X в. // Византия и Крым. 1997.
34. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
35. Сазанов А.В. Комплекс византийской поливной керамики начала XI века из Херсонеса // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 2000. Вып. IX.

SMOKOTINA A. V.

BYZANTINE GLAZED CERAMICS OF THE 7TH – THE FIRST HALF OF THE 9TH
CENTURIES FROM THE EXCAVATIONS IN MANGUP

Summary

This work is devoted to the publication of a small collection of early Byzantine glazed ceramics dating back to the 7th – the first half of the 9th centuries (Group “Glazed White Ware I” according to J. W. Hayes) from the excavations in the citadel of Mangup and a prospecting shaft on the southern slope of Teshkly-burun cape. The description of the vessels in the form of a catalogue completed with the data on stratigraphic location of the wares and selection of analogies from the published complexes of that period. Rather scanty knowledge about crockery of GWW I and small quantity of its production and spread on the territory of Byzantium brought to the necessity of the analysis of general problems of chronology, morphological and technological criteria to single out this group of ceramics. Revelation of Byzantine ceramic import in the 7th – the first half of the 9th centuries in Mangup seems to be very important for characteristics of trade – economic relations of the settlement and is an additional material evidence of maintaining traditional contacts with Cherson and city centers of Byzantine Empire in that period.